Петербургская Кунсткамера XVIII века: музей и наука

Н.П. КОПАНЕВА

КОПАНЕВА Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). Научный руководитель и сокоординатор международных программ «Петр Великий и Голландия», «„Нарисованный музей“ Петербургской Академии наук», «Николаас Витсен. „Северная и Восточная Тартария“», автор работ по истории Кунсткамеры первой половины XVIII в.
Автор и соавтор более 100 научных работ

Кунсткамера ко времени создания в России Академии наук и в первые годы существования была универсальным музеем: ее создатели стремились показать мир как целое, как «совокупность всего». И уже к началу 1740-х гг. в одном специально построенном здании в Петербурге можно было увидеть «три царства» природы (ботанические, зоологические, минералогические коллекции); познакомиться со строением человеческого тела; изучить историю времен и народов по богатейшему нумизматическому собранию. Шкафы с археологическими находками уводили в глубину времен, а одежда, предметы быта и верований разных народов показывали, как разнообразен и интересен мир.
В башне Кунсткамеры стоял Готторпский глобус, поражавший не только размерами, но и возможностью, войдя внутрь, увидеть движение небесных светил и созвездий. В верхних этажах здания располагалась обсерватория, зрительные трубы которой манили в далекий мир звезд. Была в здании Кунсткамеры еще большая богатая библиотека, постоянно пополнявшаяся последними новинками европейской научной литературы. Итак, войдя в здание на набережной Васильевского острова с одного крыльца, а выйдя через другое, посетитель мог увидеть мир природы и человека в его едином целом. Можно представить себе, как поражало все это многообразие нашего соотечественника в XVIII в.

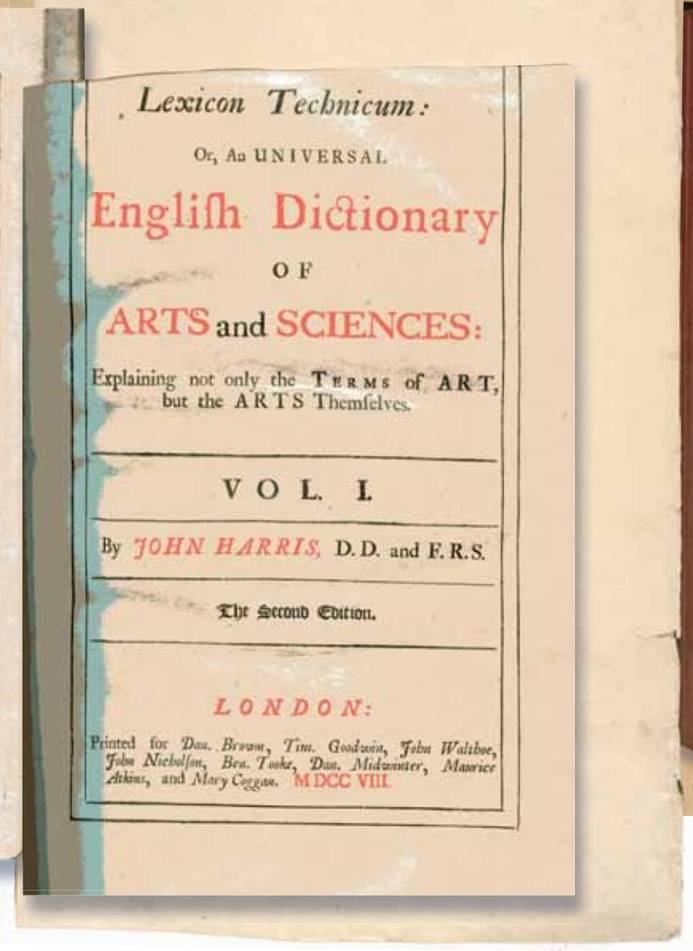

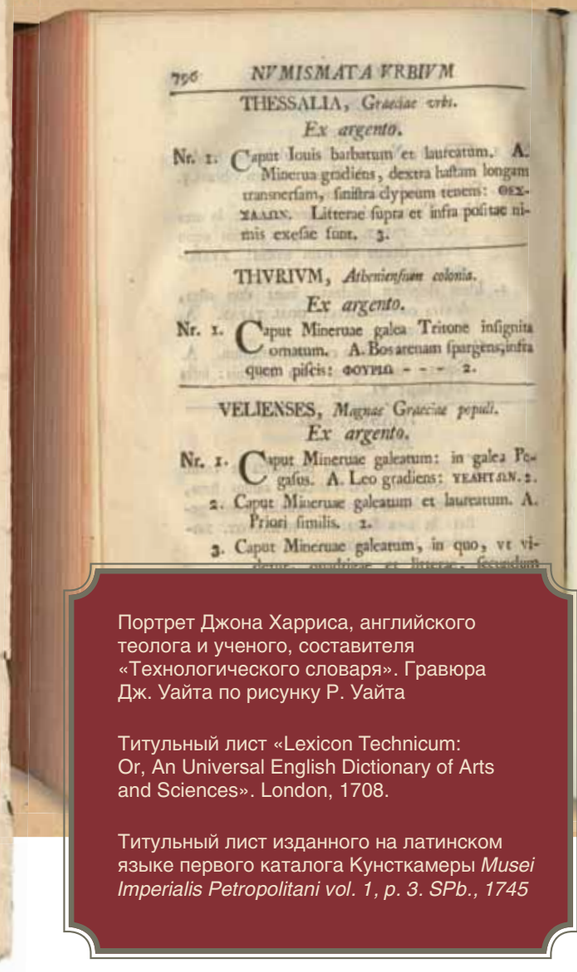
Фасад Библиотеки и Кунсткамеры. Гравюра Г.А. Качалова из кн. «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, библиотеки и Кунсткамеры». СПб., 1744. Tab. VII.
© МАЭ РАН

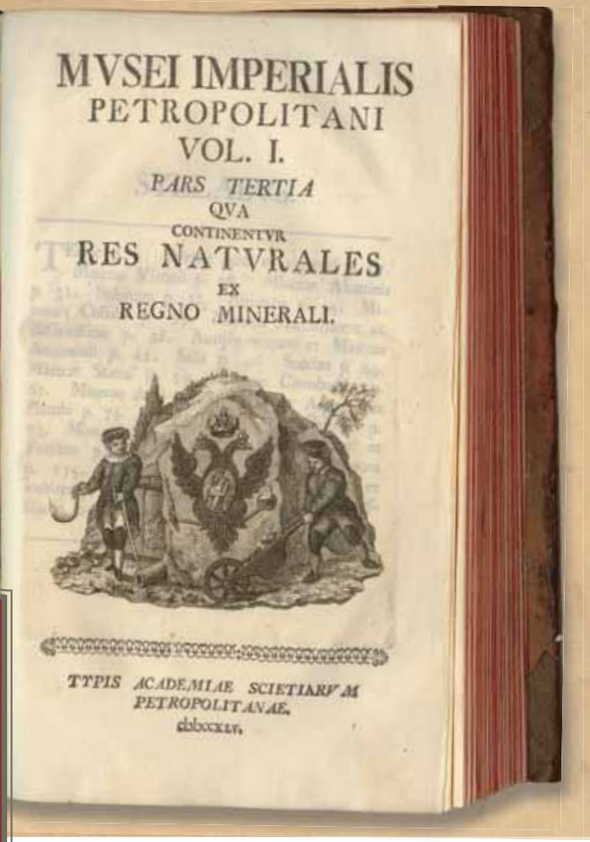
Ключевые слова: Кунсткамера, энциклопедизм, универсализм, музей, Академия наук, этнография, Вторая Камчатская экспедиция, первый каталог Кунсткамеры.
Key words: Kunstkammer, encyclopaedism, universalism, museum, Academy of Sciences, ethnography, Second Kamchatka expedition, the first catalog of the Kunstkammer

© Н.П. Копанева, 2015

Lexicon Technicum:
Or, An UNIVERSAL
English Dictionary
OF
ARTS and SCIENCES:
Explaining not only the TERMS of ART, but the ARTS Themselves.
VOL. I.
By JOHN HARRIS, D.D. and F.R.S.
The Second Edition.
LONDON:
Printed for Dan. Brown, Tim. Goodwin, John Walthoe, John Nicholson, Ben. Tooke, Dan. Midwinter, Maurice Atkins, and Mary Coggan. MDCC VIII.

796 NVMISMATA VRBIVM
THESSALIA, *Graeciae urbs.*
Ex argento.
Nr. 1. Caput Iouis barbatum et laureatum. A. Minerua gradiens, dextra hastam longam transuersam, sinistra clypeum tenens: ΘΕΣ-ΣΑΛΩΝ. Litterae supra et infra positae nimis exesae sunt. 3.
THVRIVM, *Athenienſium colonia.*
Ex argento.
Nr. 1. Caput Mineruae galea Tritone insignita ornatum. A. Bos arenam spargens, infra quem pisces: ΘΟΥΡΙΩ - - - 2.
VELIENSES, *Magnae Graeciae populi.*
Ex argento.
Nr. 1. Caput Mineruae galeatum: in galea Pegasus. A. Leo gradiens: ΥΕΛΗΤΩΝ. 2.
2. Caput Mineruae galeatum et laureatum. A. Priori similis. 2.
3. Caput Mineruae galeatum, in quo, vt vi-

MVSEI IMPERIALIS
PETROPOLITANI
VOL. I.
PARS TERTIA
QVA
CONTINENTVR
RES NATVRALES
EX
REGNO MINERALI.
TYPIS ACADEMIAE SCIETIARVM PETROPOLITANAE.
dbcccxlv.

Портрет Джона Харриса, английского теолога и ученого, составителя «Технологического словаря». Гравюра Дж. Уайта по рисунку Р. Уайта

Титульный лист «Lexicon Technicum: Or, An Universal English Dictionary of Arts and Sciences». London, 1708.

Титульный лист изданного на латинском языке первого каталога Кунсткамеры *Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, p. 3. SPb., 1745*

Кунсткамера была не только универсальным музеем, она была музеем энциклопедического типа. Известно, что идею создания мировой энциклопедии разрабатывал еще Г. Лейбниц (Мейерс, 1998. С. 6—14). Известно и то, что Петр I трижды лично встречался с немецким ученым, а с 1712 г. Лейбниц вообще числился на русской службе.

Но с идеями энциклопедизма Петр был знаком не только по проектам Лейбница. Стоит вспомнить, что в 1715 г. внимание русского царя привлек «Lexicon Techinicum» – «Технологический лексикон, или Всеобщий английский словарь искусств и наук» Джона Харриса, напечатанный в Лондоне еще в 1704 г. (второе дополненное издание – в 1708—1710 гг.) (Копанев, 2013. С. 58—75). Это был первый универсальный естественнонаучный и технический словарь. В 1715 г. Петр I именным указом поручил российскому заграничному резиденту А. П. Веселовскому «сыскать <...> Лексикон универсалис, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке» (Полное собрание законов Российской империи, 1830. С. 186) и предпринять усилия для перевода его на русский язык. Как отмечал Н. А. Копанев, хотя проект и не был осуществлен, это ни в коей мере не умаляет того факта, что первый универсальный технологический словарь, который лег в основу всех позднейших «Энциклопедий», в том числе и «Энциклопедии» Дидро, был замечен Петром I еще в начале XVIII в. Для нас это играет существенную роль в осмыслении того, в каком направлении продвигалась просветительская мысль царя-реформатора.

Что такое энциклопедия по неосуществленным проектам Лейбница и по осуществленному проекту Дидро и Даламбера? Упрощенно говоря, для создания энциклопедии необходимо: собирать знания, систематизировать их и делать доступными. Исходя из этого, Кунсткамеру можно рассматривать в контексте общего энциклопедического проекта Петра Великого. И если издать на русском языке «Лексикон универсалис» не получилось, то в виде музея этот проект получил свое блестящее воплощение: знания в виде коллекций собирались, систематизировались и выставлялись, т. е. становились доступными. Таким образом, Кунсткамеру можно рассматривать как ранний этап европейского энциклопедизма.

Если исходить из этих позиций, то музей и наука в Петербургской Академии были единым целым. И наши ранние утверждения, что Кунсткамера была своего рода лабораторией для ученых, не раскрывают всей сути формирования в Петербургской Академии наук нового знания.

«Петербургского императорского музея том первый и второй»

Точное представление о том, каким был академический музей по составу фондов, систематизации экспонатов, их размещению в залах, дает первый печатный каталог Кунсткамеры, который является также первым опубликованным музейным каталогом в России – *Musei imperialis Petropolitani vol. 1—2* (далее MIP). Каталог издавался на латинском языке в период с 1741 по 1745 г. Он был напечатан «на почтовой бумаге по 100 экземпляров да на руской александрийской по сту» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 224), т. е. всего 200 экземпляров. Часть тиража на хорошей бумаге во французском переплете предполагалось разослать европейским почетным членам Академии, еще часть в переплете из турецкой бумаги раздавалась петербургским профессорам и адъюнктам, а остатки тиража поступили в академическую Книжную лавку.

Виньетка к первому тому каталога *Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, p.1,* в котором описаны анатомическая и зоологическая коллекции Кунсткамеры

Спиртовой препарат маленькой большеглазой обезьянки с рыбкой.
На крышке банки – навершие, характерное для оформления банок со спиртовыми препаратами из коллекций Фр. Рюйша и А. Себы, приобретенных Петром Великим. На рис. – натюрморт из раковин двустворчатых и брюхоногих моллюсков с веточкой горгонарии. *М.Р. Рыков, 1752 г.*
Акварель, кисть. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 720. Атрибуция Р.Л. Потапова, Й. Дриссен

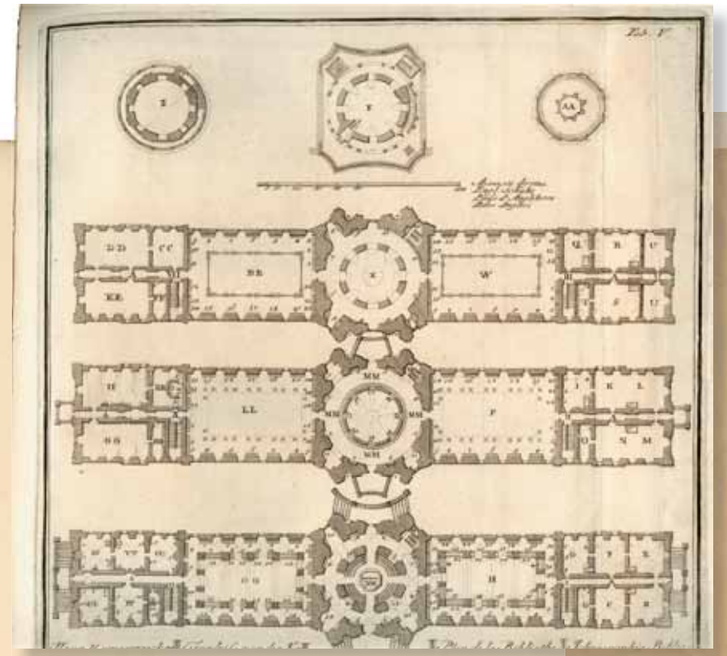
При этом получателям музейного каталога предписывалось: «...ежели они какие книги, а притом натуральные и куриозные вещи усмотрят, которыя ко укомплектованию библиотеки и кунсткамеры весьма нужны те <...> заметя пожаловали бы в академию сообщить дабы можно было оныя книги при случае промыслить или со временем выписать и откуда надлежит послать» (СПФ АРАН. Ф .3. Оп. 1. Д. 87. Л. 223). То есть предполагалось употребить МІР для пополнения музейного и библиотечного фондов (в это же время издавался и каталог библиотеки).

В первом томе каталога описана естественно-научная коллекция Кунсткамеры (натуралии), во втором томе – артифициалии, или то, что создано человеком. Титульные листы разных частей каталога были украшены соответствующими виньетками.

Еще в 1726 г. идею украсить «Записки» (издавались под названием *Commentarii*) Академии наук виньетками, которые бы символизировали разные науки, И.Д. Шумахер изложил в письме к нидерландскому граверу Бернару Пикару. (Копанев, Копанева, 2003. С. 318—331). Воплощение эта идея получила в издании каталога Кунсткамеры. Особые виньетки имеют анатомический и зоологический разделы, описания гербариев, коллекции минералов. Для второго тома с описаниями художественных и нумизматической коллекций была разработана одна виньетка.

Структура каталога соответствовала размещению экспонатов в «палатах», «каморах» и шкафах Кунсткамеры. Благодаря этому мы знаем, в каком зале здания, в каком шкафу и под каким номером располагался тот или иной предмет. Вместе с МІР публиковался и альбом гравюр с видами и чертежами как внешнего вида здания Кунсткамеры, так и ее залов с экспонатами. Это «Палаты Санктпетербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры», изданные большим форматом в 1741 г. и меньшим – в 1744 г. с предисловием секретаря Канцелярии Академии наук (ранее – библиотекаря Петра I), стоявшего у истоков создания музея, всесильного в Академии И.Д. Шумахера.

Есть еще один уникальный источник для создания полного представления о первом российском общедоступном музее – это так называемый *Нарисованный музей* («Нарисованный музей» Петербургской

Общий чертеж расположения «палат» и «камор» в здании Кунсткамеры по этажам и в башне.
Гравюра А. Полякова из альбома «Палаты Санктпетербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры».
(СПб., 1744)

Виньетка к *Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, p. 2.* В этой части описаны ботанические коллекции Кунсткамеры, а именно гербарии Фр. Рюйша и И. Аммана.

Справа – вегетативный побег сигезбекии восточной с изображением соцветия и препарированного цветка (атрибуция А.К. Сытина). *Неизвестный художник. Рисунок выполнен для книги И. Буксбаума «Centuria … III». P. II. Tab. LII. 1724—1728. Акварель, карандаш.*
СПФ АРАН. Р. I. Оп. 19. Д. 4. Л. 287

Виньетка ко второму тому *Musei Imperialis Petropolitani vol. 2, p. 1, 2, 3*, в котором описаны все художественные коллекции музея, включая археологическое, этнографическое собрание, коллекцию научных инструментов и нумизматический кабинет.

Виньетка к изданию первого тома третьей части каталога Кунсткамеры, в которой описано минералогическое собрание

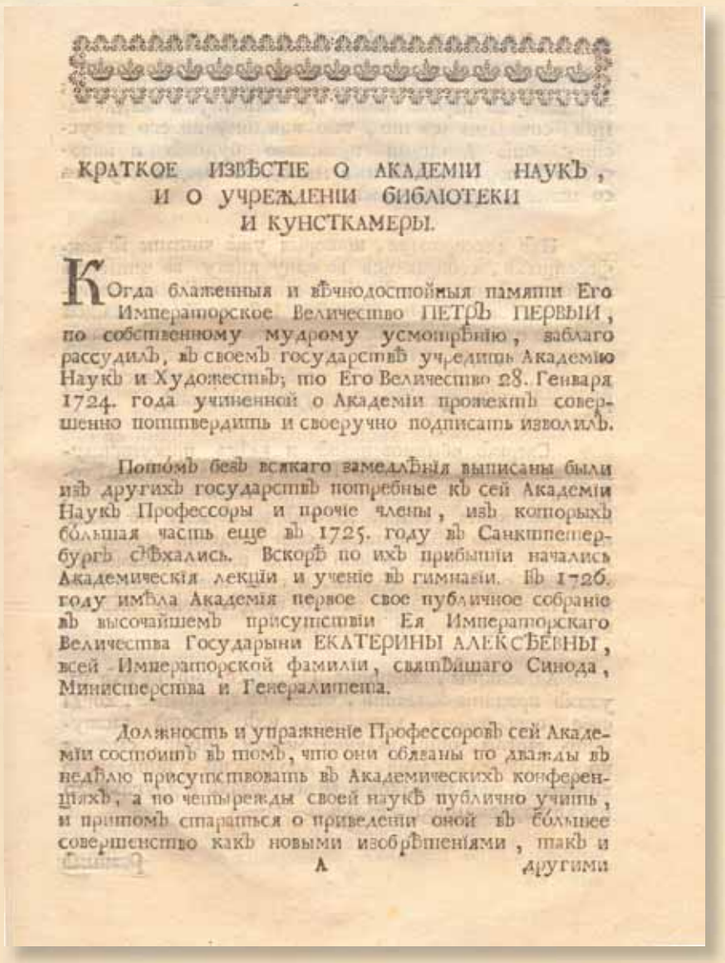
Бронзовый чайник-кумган, с рельефным цветочным орнаментом. Иран. XVII—начало XVIII в. *Художник Нечаев Яков (атрибуция М.Л. Меньшиковой). 19 мая 1738. Акварель, тушь. СПФ АРАН. Р. IX. Оп.4. Л. 504*

Академии наук, т. 1, 2003; т. 2, 2004; *The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg*, 2005). В 1730-е—1760-е гг. в Академии наук был предпринят грандиозный проект по зарисовыванию всех экспонатов Кунсткамеры. На сегодняшний день известно о местонахождении более двух тысяч акварельных рисунков. На большинстве листов с рисунками карандашом или чернилами указан номер шкафа, под этим же номером экспонаты были описаны в MIP (Копанева, 2006. С. 58—77).

Все эти издания вместе с другими сохранившимися архивными документами являются важными источниками для изучения музея и состояния научных исследований в Петербургской Академии наук к 1740-м гг.

Участие в описании музейных экспонатов петербургских академиков, которые при систематизации предметов в Кунсткамере применяли новейшие на тот период времени научные классификации, позволяет судить об уровне развития естественных и гуманитарных наук в Петербургской Академии того времени.

Естественные науки к началу XVIII в. имели уже довольно хорошо разработанный инструментарий в виде эмпирических методов исследования, изданных описаний и классификаций животных, растений, минералов. Естественнонаучные коллекции Кунсткамеры, постоянно пополняемые экспедиционными материалами, становились объектом изучения. Все издательские новинки, в том числе и каталоги коллекций, сразу же после выхода из печати появлялись в Академии наук. И петербургские профессора при описании естественно-научных коллекций Кунсткамеры могли ссылаться на современную им научную литературу. Что же с гуманитарным знанием, тем, что позднее сформировалось в специальные науки, такие как этнография и археология? В Кунсткамере шло накопление артефактов, описание и изучение которых и способствовало формированию новых знаний и новых наук.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ О АКАДЕМІИ НАУКЪ, И О УЧРЕЖДЕНІИ БИБЛІОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ.

Когда блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ, по собственному мудрому усмотрѣнію, ваблаго разсудилъ, въ своемъ государствѣ учредить Академію Наукъ и Художествъ; то Его Величество 28. Генваря 1724. года учиненной о Академіи проэктъ совершенно потвердить и своеручно подписать изволилъ.

Потомъ безъ всякаго замедлѣнія выписаны были изъ другихъ государствъ потребные къ сей Академіи Наукъ Профессоры и прочіе члены, изъ которыхъ бо́льшая часть еще въ 1725. году въ Санктпетербургъ сѣхались. Вскорѣ по ихъ прибытіи начались Академическія лекціи и ученіе въ гимназіи. Въ 1726. году имѣла Академія первое свое публичное собраніе въ высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества Государыни ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢѢВНЫ, всей Императорской фамиліи, святѣйшаго Синода, Министерства и Генералитета.

Должность и упражненіе Профессоровъ сей Академіи состоитъ въ томъ, что они обязаны по двапды въ недѣлю присутствовать въ Академическихъ конференціяхъ, а по четырежды своей наукѣ публично учить, и притомъ стараться о приведеніи оной въ бо́льшее совершенство какъ новыми изобрѣтеніями, такъ и

А другими

Предисловие И. Д. Шумахера к изданию «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук библиотеки и Кунсткамеры» (СПб., 1744). В предисловии Шумахер не только кратко описал историю формирования библиотеки и Кунсткамеры, но и расписал в соответствии с гравюрами расположение экспонатов в здании музея

«Присланы в Императорскую Академию наук некоторыя веши, которым здесь сообщается роспись»

Если естественнонаучные коллекции могли быть описаны в соответствии с уже разработанными в европейской науке классификациями, то при описании художественных редкостей, прежде всего того, что составило археологическое и этнографическое музейное собрание, опереться было не на что и приходилось начинать фактически с нуля.

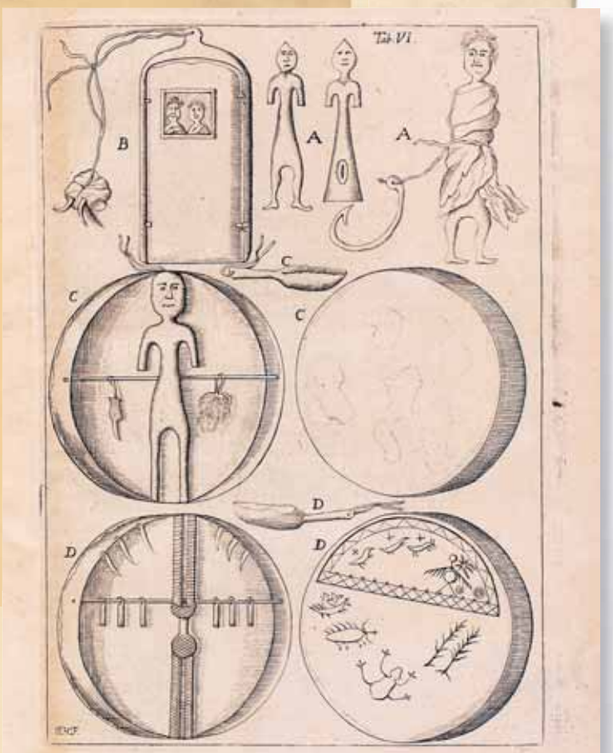

Медные фигурки и украшения конской упряжи, в том числе фалар с изображением головы Геракла. *Внизу* – сосуд.
Гравюра Ф. Х. Фриша из книги Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia...» (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730.
Гравюра выполнена по рисункам, сделанным во время путешествия Страленберга с Д. Г. Мессершмидтом

Обложка русского издания каталога «“Нарисованный музей” Петербургской Академии наук. 1725—1760»

Предметы одежды из оленьего меха: наплечная одежда, обувь остяков (Западная Сибирь, начало XVIII в.); тунгусские шапка и рукавицы (Восточная Сибирь, начало XVIII в.). Имя художника неизвестно.
Акварель, тушь, кисть, перо.
450×300 мм.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 390.
Описание О. Я. Неверова, Л. Р. Павлинской

Изображения бубнов и медных «идолов». Гравюра Ф. Х. Фриша из книги Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia...» (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730.

Методик собирания и описания такого рода артефактов еще не было. И они стали формироваться в ходе экспедиционных сборов материалов для императорской Кунсткамеры. Насколько успешно развивалось дело, становится ясно из того, как менялись инструкции для собирания предметов для музея и как менялись описания, «реестры» того, что отправлялось в Академию и поступало в музей.

Подробные наставления о сборе археологических и этнографических артефактов изложены Г. Ф. Миллером в его известной инструкции для И. Фишера 1740 г. (Элерт, 1990; 1999). В инструкции есть приложения, одно из которых посвящено приобретению различных предметов для Кунсткамеры (Руссов, 1900. С. 97—99). В приложении – 16 пунктов, 15 из которых посвящены тому, что и как из предметов быта, верований, промыслов народов Сибири нужно приобретать для музея. Прежде всего Г. Ф. Миллер обращал внимание на сбор одежды – мужской, женской, детской, зимней, летней, обыденной, праздничной.

Особое внимание ученый уделил жилищам: «татарские или братские» юрты, покрытые войлоком, нужно приобрести со всем, что к ним принадлежит, в том числе с деревянными частями конструкций. При этом Г. Ф. Миллер давал детальные рекомендации с учетом особенностей построения жилищ разных народов: нужно доставить для Кунсткамеры кору березы, которой покрывают юрты тунгусы; шкуры лосей и оленей из самоедских юрт; деревянные части и покрывающие их шкуры оленей юкагирских юрт. Орудия для промысла описаны в отдельном пункте: охотничьи инструменты (луки, стрелы, наконечники, курильские гарпуны), ловушки для птиц и диких животных, которые используют охотники и промысловики.

Обращал внимание Миллер и на собирание корней растений, употребляемых в пищу, трав, мхов, используемых вместо чая, а также в качестве краски. Высушенные растения для хранения уже опытный к тому времени собиратель советовал складывать между листами вощеной бумаги. Далее в инструкции по сбору предметов для Кунсткамеры перечислялись: музыкальные инструменты и охотничьи рожки, всевозможные изображения богов, жертвенники, шаманские бубны, колотушки и все, что используется для заклинаний. Приобретение для музея изображений богов и предметов культа «тангутской религии» оговорены особо.

Посмотрим, как полученные из экспедиций предметы были описаны в MIP.

Ко времени издания первой части второго тома каталога, в которую вошли все «художественные редкости»

РЕЕСТР Г. Ф. МИЛЛЕРА

Важной частью каталога является приложение к основной части, озаглавленное «По сочинении каталога присланы в Императорскую Академию наук некоторые вещи, которым здесь сообщается роспись». Судя по архивным документам, это – переведенный на латинский язык реестр, составленный и отправленный Г. Ф. Миллером с вещами из Тобольска 21 января и полученный в Петербурге 16 апреля 1741 г.

Реестр «иноземческому разных Сибирских народов платью, которое посылается в Кунштъ камеру из Тобольска генваря … [sic!] дня 1741 году в двух ящиках и в одной кожаной суме» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 841. Л. 27—32 об. 40) был переведен на латинский язык, приложен к уже издаваемому каталогу и опубликован в том же 1741 г. Таким образом через MIP он стал известен в те же годы европейской науке – этот факт мы установили впервые. Отправителем и составителем описаний был Г. Ф. Миллер, о чем свидетельствует его подпись под реестром. Поскольку он является автором этой части MIP, она является ,видимо, еще одной, неучтенной в библиографии его трудов опубликованной работой.

В реестре и в описаниях предметов (108 номеров) в MIP указаны принадлежность одежды определенному народу и материал, из которого она изготовлена, и самое важное, чего ранее в MIP не было, – место приобретения предмета.

Например, в реестре Г. Ф. Миллера – «Платье Самоецкое. 1. Мужская верхняя шуба оленья, прислана из Березова». В MIP – «Vestes Samogetarum. 1. Vestis virilis exterior e pellibus cervinis confecta. Beresovia» (Платье самоедов. 1. Одежда мужская верхняя, сделанная из оленьих шкур. Березов; пер. Г. Воробьева). В реестре Г. Ф. Миллера – «4. Шапка женская новая россомачья опушена хвостами белыми песцовыми, на затылке вшиты два лоскута сукна краснаго, с тремя кистями, на которыя нанизаны хрустальныя камушки от туда же» и в MIP – «4. Pileus novus muliebris e pelle polyphagi, circa margines caudis vulpium cinerei coloris obductus, insutis posticae parti duobus rubris panniculis, et adnexis tribus filis, quibus chrystallini globuli conserti sunt. Beresovia» (Шапка новая женская из шкуры росомахи, по краям отделанная песцовыми хвостами серого цвета, с подшитыми сзади двумя красными лоскутами и с тремя кистями, на которые нанизаны хрустальные шарики. Березов; – пер. Г. Воробьева).

Таким образом, сбор этнографической коллекции для Кунсткамеры и ее описание давал возможность вырабатывать научный инструментарий, формировать язык описания этно-графических предметов. Объектом изучения становилось уже собственно музейное собрание, а его описание – первым научным описанием этнографических артефактов. В результате в Кунсткамере мы получаем всю энциклопедическую триаду: знание собрано, систематизировано и стало доступным

Коробка. Луб, раскраска, скобление. Остяки (ханты). Западная Сибирь, XVIII в.
Сосуд (чуман). Береста. Угры (ханты, манси). Западная Сибирь, начало XVIII в.
Художник Г. Абумов.
10 октября 1736 г. Акварель, кисть. 462×298 мм.
СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 359.
Описание О.Я. Неверова и Л.Р. Павлинской.

музея, т. е. к середине 1741 г., в Кунсткамеру поступили этнографические предметы из собрания Д. Г. Мессершмидта и несколько посылок от участников Второй Камчатской экспедиции. Из документов следует, что 2 января 1735 г. из Енисейска в Петербург были отправлены два «татарских бубна»; 6 декабря 1735 г. из Иркутска – ящик с шаманским платьем, бубны и прочие вещи; 16 апреля 1739 г. из Енисейска – «сума сыромятная» с якутским и тунгусским платьем, идолы и «жертвоприносная» посуда.

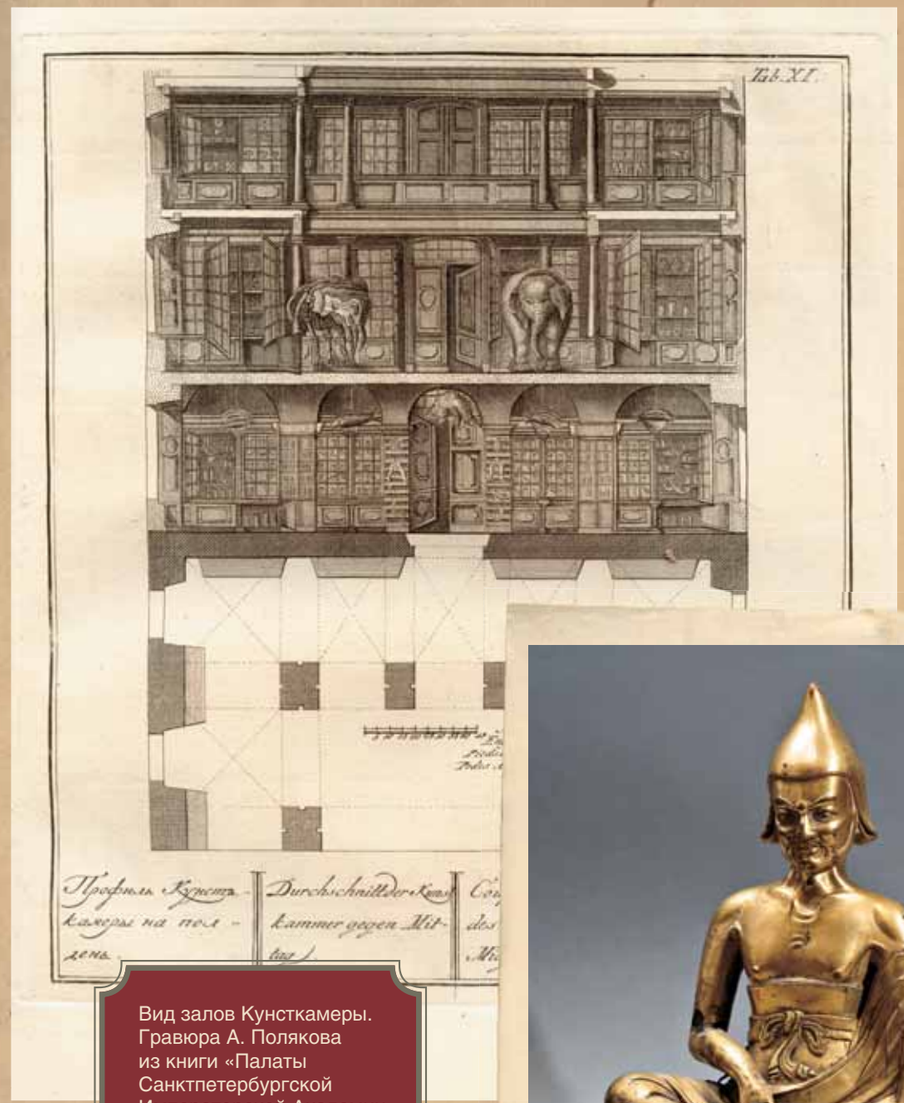
В каталоге они описаны в части, названной «Предметы быта скифов, китайцев, индийцев и всяческих восточных и северных народов: одежда, оружие, утварь, идолы и прочие любопытные предметы». Как свидетельствует каталог, все эти предметы были сгруппированы по территориальному (Россия, особо Китай, «азиатские народы») и функциональному (быт, связанные с верованиями предметы) принципам. Так, один шкаф вмещал одежду, обувь, головные уборы мужчин, женщин, детей; сумки, мешки, прежде всего, сибирских народов, в другом были шаманские бубны и т. д. в терминологии того времени: самоедов, тунгусов, остяков, камчадалов и т. д. В основном, как уже было сказано, это предметы из приобретений Д. Г. Мессершмидта и участников Второй Камчатской экспедиции. Но четкого следования указанным принципам еще

Гравюра с изображением шамана из книги И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов…» (СПб.,1776—1777).
В предисловии Георги отмечал, что все изображения в издании вырезаны граверами Ротом, Шлепером и другими «частию с находящихся рисунков и фигур при Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в Кунсткамере, а частию с живых подлинников». У нас есть основания, что на данной гравюре изображен один из первых манекенов Кунсткамеры. Во всяком случае, это изображение совпадает с описанием манекена Осипом Беляевым в его работе «Кабинет Петра Великого»: «… статуя представляет сибирского шамана, сделанного из дерева, и одетого в собственное его кожаное платье, к которому привешены на ремешках разные рогульки, побрякушки, звериные хвосты, и несколько целых звериных шкурок. Шаман сей, имея в одной руке большой овальной кожаной, с разными мистическими характерами, бубен, а в другой небольшую выгнутую белыми волосами по краям опушенную лопатку, которую он ударяет в бубен, представлен стоящим на одном колене в том самом зверском и исступленном виде и положении, когда он чародействует» (О. Беляев. Кабинет Петра Великаго. СПб., 1800. Ч. II. С. 195—197).

Из собрания П.С. Палласа.
Рубаха холщевая с вышивкой.
Симбирская губ., XVIII в.
Чуваши. Холст, нить шерстяная, кожа.
@ МАЭ РАН. № 766-1.

Вид залов Кунсткамеры. Гравюра А. Полякова из книги «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук библиотеки и Кунсткамеры». СПб., 1744. *Tab. XI. © МАЭ РАН*

Скульптура буддийского ученого (пандита). Бронза, литье, золочение. Собиратель П. С. Паллас. *© МАЭ РАН. № 719-4*

не было. В этом же шкафу был, например, и «американский колпак» из волокон кокосового ореха из коллекции амстердамского аптекаря Альберта Себы, а также деревянный датский башмак, привезенный из Копенгагена Петром I, французские башмаки и русский лапоть (об этнографическом собрании Кунсткамеры см. Чистов, Копанева, 2015. С. 94–117).

Анализ описаний этих предметов показывает, что для их составления использовались реестры, которые писали собиратели в экспедиции и которые сопровождали посылки с предметами в Петербург. Так же, как и в реестрах, в той части MIP, о которой идет речь, при описании предмета дается его название, указывается, кому принадлежит предмет (мужчине, женщине), для чего предназначен, внешний вид, материал, из которого он изготовлен и к какому народу относится. Именно такое описание предметов давалось в сопроводительных реестрах. В ряде описаний приводится название предмета на языке описываемого народа.

Насколько развитие науки в Академии было тесно связано с музеем, подтверждают трагические события 5 декабря 1747 г. Двадцатилетие после пожара, когда восстанавливалось здание, приводились в порядок и пополнялись коллекции, с точки зрения развития науки не дало весомых результатов. Все, что вышло в это время в Академии наук из печати: *Flora Sibirica* И. Г. Гмелина (SPb., 1747–1759), «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1755), «Описание Сибирского царства» Г. Ф. Миллера (СПб., 1750), – было результатом предыдущего, «допожарного» этапа развития Академии наук и ее музея. Интерес к этим исследованиям в Европе был большой и требовал их дальнейшего развития. Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что, например, «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова в 1760–1770-е гг. было переведено на основные европейские языки и издано в Англии, Германии, Голландии, Франции. (Андреев, 1939; Копанева, 2012). В 1748 г. во Франкфурте издано жизнеописание Георга Стеллера, которое включало и описание его участия во Второй Камчатской экспедиции – *Leben Herrn Georg Wilhelm Stellers*. И. Г. Гмелин, в 1748 г. уехавший в Тюбинген, в 1751–1752 гг. опубликовал в четырех томах дневник своего путешествия по Сибири – *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743* (Göttingen, 1751–1752).

Петербургская Академия новых исследований в том направлении не проводила и не в силах была организовать экспедиции такого уровня, как поездка Д. Г. Мессершмидта, не говоря уже о Второй Камчатской экспедиции. И лишь когда музей был восстановлен и стала возможной работа с его коллекциями, в 1768–1774 гг. организованы так называемые «физические экспедиции» П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Гмелина, И. А. Гильденштедта, И. П. Фалька, И. Г. Георги.

Таким образом, Кунсткамера именно как музей энциклопедического типа, а не только «лаборатория», стала важнейшей составляющей развития естественных наук в России и решающим фактором в формировании новых гуманитарных знаний.

Литература

Андреев А. И. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова // Советский Север. 1939. № 2. С. 5–64.

Копанев Н. А. «Энциклопедия» и Россия: к 300-летию со дня рождения Дени Дидро // НАУКА из первых рук. 2013. № 4 (52). С. 58–75.

Копанев Н. А., Копанева Н. П. Из истории первых изданий Петербургской Академии наук // Федоровские чтения. М., 2003. С. 318–331.

Копанева Н. П. Прогулки по «Нарисованному музею» Императорского петербургского музея // НАУКА из первых рук. 2006. № 3 (9). С. 58–77.

Копанева Н. П. Степан Петрович Крашенинников: 25 773 версты по Сибири и Камчатке // НАУКА из первых рук. 2012. № 2 (50). С. 72–97.

Летопись Кунсткамеры 1714–1836 /Авт.-сост. М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович / Отв. ред. Н. П. Копанева, Ю. К. Чистов. СПб., 2014.

Мейерс Д. Лейбниц как организатор науки и искусства // Г. В. Лейбниц и Россия. СПб., 1998. С. 6–14.

«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук / Под ред. Р. Кистемакер, Д. Мейерса, Н. П. Копаневой, Г. В. Вилинбахова. СПб., 2003. Т. 1. 318 с.; 2004. Т. 2. 188 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. (1713–1719).

Руссов Ф. В. Материалы для истории этнографических и антропологических коллекций Императорской Академии наук. СПб., 1990. С. 97–99. (Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Вып. 1).

Чистов Ю. К., Копанева Н. П. Кунсткамера Академии наук в первой половине XVIII века. Собирание и экспонирование научных этнографических коллекций // Тр. Отделения историко-филологических наук. 2014. М., 2015. С. 94–117.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

The Paper Museum of the Academy of Sciences in St. Petersburg (1725–1760) / Ed. by R. E. Kistemaker, N. P. Kopaneva, D. J. Meijers, G. V. Vilinbakhov. Amsterdam, 2005. 250 p.